

Костя
Навлов

МОЙ АЛЫЙ ПАРУС РВАНЫЙ

КАРУСЕЛЬ

Кружение стен покинутых домов,
Страницы трепет, временем примятой,
Так четок, когда смолкнет стук часов,
Но время все бежит, бежит куда-то

Туда, где август под окном стоял и пел –
Влюбленный в синь небес
Бездомный мальчик август,
И песнь его вдоль улиц растекалась
И бархатом ласкала камень стен...

Уж умер он, познав осенний плен.
Но предо мной стоят в молчанье тени
Моих непродолжительных стремлений
И чересчур неявных перемен...

Оборван сон.
И вновь – вокруг стена.
И окон предзакатные глазницы
Опять кричат, что нужно торопиться,
А время все летит, летит туда,

Где был рассвет, где ты открыл глаза,
И взору твоему предстала Память.
И Память тебя за руку взяла
И приказала комнату оставить.

И ты прошел сквозь длинный коридор,
Дыханий музыку за стенами укрывший,
И ты спустился лестницей неслышно
В забытых очертаний полный двор.

...А город пел под дудку бытия
И расцветал больным цветком движенья.
И мир его страстей, торжеств, свершений
Смеялся, как безумное дитя.

И в солнечном тумане ты нашел
Гранитный остов сонного вокзала,
И поезд (что давным-давно ушел),
И тот вагон, где в полутьме рыдала

Тень той, чьи слезы, словно дождь,
Залили твоей ненависти пламя,
Тень той, которой ты оставил
Своей печали уличную дрожь.

И ты услышал вновь сквозь стук колес
Своих, ее ли слов ненужную невнятность,
И вдруг узнал объятий безвозвратность
И поцелуя плавящийся воск...

ИЛИ МОРЕ...

Ты или Море?
Ты знаешь, что выбор мнимый.
Не знаю, как часто тебя называли милой.
Не важно, как прочен дом, который я нам построил.
Я ждал тебя в нем, оставаясь самим собою.

Я видел, как ты играешь с огнем и ветром.
Я брал тебя в руки –
Они становились пеплом...
Я только мечтал увидеть твой лучший танец,
Но в этом краю я незванный к столу чужестранец.

Я думал, ты Море.
Должно быть, ты лишь Колодец.
В иссохшей степи обезумевший колоколец.
И, встретив тебя, я бы точно остался рядом,
Но в этом раю только алые звезды ада...

Ты или Море?
Я выберу только Море.
Оно воздаст за потери ненужной крови.
Я выберу Море; лишь с ним я всегда на равных
В мечтах и величии,
В свободе и в самом главном.

МЫ

Мы выдернули провод и ушли,
Оставив мир пронзительно беззвучным.
Не встретив ни одной живой души,
Мы поселились у реки излучин.
Мы посылали в космос корабли,
Мы двигались, созвучные пространству
И таяли в разомкнутой дали,
Рожденные из огненного танца.
Мы изучали лица стариков
И их глаза, струящиеся светом.
Мы измеряли плотность всех оков,
Мы создавали новые сюжеты.
Мы выбирали вновь остаться ждать
Не нами не предсказанного часа.
Мы знали, как спокойно умирать,
Рассыпавшись в мерцании алмазном
На черном и немислимом нигде.
Мы зажигали Солнца друг для друга,
Мы дрались за любовь на высоте,
Мы прятались в сознаниях друг друга,
Сгорали в небе маленькой звездой,
Рождались в сердце сонного ребенка
И замирали нотой неземной,
Знакомясь с барабанной перепонкой.

К ЛИЗЕ

Когда-нибудь, кому-нибудь откройся,
Сойди с ума, как одинокая звезда,
И больше никого и ничего уже не бойся,
Садись в случайные пустые поезда,

Ищи себя, которую, не помня,
Не знаешь.
Но не сможешь не узнать.
Так, распрощавшись с пристанью покоя,
Приходят вдруг в заветные места...

Лети туда, откуда дует ветер,
Ему доверь свой сбивчивый полет,
Чтобы когда-нибудь,
Проснувшись, на рассвете,
Увидеть, как впервые:
Снег идет...

* * *

Язык ветра
 И язык огня,
 Встречи ночи и дня,
 Наречие скрипучих ветхих дверей,
 Голоса опрокинутых кем-то морей,
 В лицах людей отражение лун,
 Ночные свидания пальцев и струн,
 Посвист разбуженных
 Ветром песков
 Ночь собирает
 В колосья слов.

НЕ ВЫХОДИ ИЗ КОМНАТЫ

Не выходи из комнаты, не занимай пространства.
 Зачем тебе йога, когда, например, есть танцы?
 За дверью обидно все, особенно чья-то работа,
 Когда кто-то кричит, что занят, хотя на дворе суббота.

О, не выходи из комнаты, зачем тебе чьи-то бредни?
 Чей-то маразм и несчастье, свои и чужие сплетни?
 Если все же случится, что кто-то к тебе заскочит,
 Обними и утешь, пожелай ей спокойной ночи.

Не выходи из комнаты, считай себя частью шкафа,
 Нарисуй змею, извлеки из себя жирафа,
 Уберись на кухне, разбей иль помой посуду
 (Я здесь не был счастлив и вряд ли когда-то буду).

О, не выходи из комнаты. Танцуй, убив таракана,
 Не чурайся джаза, болеро, фокстрота, канкана.
 На кухне пахнет жарким и вчерашним супом,
 Ты сказал много слов; говорить еще будет глупо.

Не выходи из комнаты. О, пускай лишь мама
 Догадывается, как ты выглядишь. И на дне стакана
 Обнаружь неизвестной природы субстанцию.
 Не выходи из комнаты! Или выйдут из строя подстанции!

Не будь слишком умным! Будь тем, чем другие не были –
 Животным, растением, камнем... Частью советской мебели.
 Слейся лицом с ладонями, подружись и скооперируйся
 С танатосом, эросом, трансом...
 имманентным жизненным кризисом.

* * *

...И будто почва уплывает из-под ног,
И до тебя подать рукой, теперь ты рядом.
На моём сердце изумрудом твой ожог,
Ты – дверь, где комната с прекрасным ярко-алым адом.
И голос густо льется в мою чашу через край,
Писать стихи – дурацкая забава,
Когда есть где-то ад
И где-то – рай,
И копий и лучей, сочащихся отравой,
Есть город.
И сравнимо с буйством чувств
Одно лишь только, сердцу что милее:
Нет, не секреты, что сорвутся с пьяных уст.
Нет, не куплеты, что родит в экстазе гений.
Лишь тленное ничто.
Лишь вечное ничто.
Экрана форточка с больничным бледным бликом,
Как когда знаешь, что давно произошло
С тобою все.
Когда вдруг станешь мигом
Единым, или солнечным лучом,
Иль самым сердцем атома – Вселенной,
Когда убит, прощен и воскрешен,
И в вечной тишине паришь над бранным...

* * *

Я знаю множество церквей,
Я видел пристани скитальцев
И пассажиров кораблей,
Что объясняли мне на пальцах

Свой наглый курс из трюма в трюм.
Я видел сам, как их корыто
Трепал, бесстрастен и угрюм,
Седой старик с лицом испитым,

Учитель мудрый – Океан...
Теперь игра совсем другая:
Едва оправившись от ран,
Уходит к мысу злая стая.

И шёпот средь ночи ночей: «Земля!...»
И привкус дивной новой неги...
Мы рубим к чёрту якоря;
Мы снова видим этот берег...

* * *

Когда уснут рабы и короли,
Когда остывший город тих и гол,
Моих стихов святые корабли
Я обрекаю воле черных волн.

Из лунных гаваней в мерцанье маяков
Они плывут в туманные моря,
И сердце задыхается от слов,
Одной тебе лишь только их дая.

Они плывут сквозь крики поездов,
Сквозь млечный путь дорожных фонарей,
И серебро их легких парусов
Сияет мириадами огней.

Они тихи, печальны и смутны,
Их мачты задевают небеса,
Они плывут дорогою луны,
Их путеводная звезда – твои глаза.

Минуя призраки скалистых островов,
Они летят на пенистой волне
Сквозь камень, сквозь железо, сквозь стекло
К тебе, о Безымянная, к тебе!

К туманам вожделенных берегов
Плывут они в смятенье и в тоске,
Их манят одиноким маяком
Следы твои на золотом песке.

Они войдут в залив блаженных дней
И будут до рассвета ждать тебя.
Ты не придешь. И гибель кораблей
Сокроет лепестком своим заря.

КАПИТАН

Дома – как корабли, готовые к войне,
Видавшие шторма и грозы ветераны.
Я встал бы у руля, подставив грудь волне,
Позволив ей омыть в груди сквозные раны.

Я бросил бы себя под ноги злой судьбе
Кровавым тем куском, что человек бросает
В оскаленную пасть звериной детворе,
И пусть меня судьба бросает и терзает!

Я лишь хочу стрелять в сердца тех рубежей,
Перед насмешкой чьей во взорах на коленях
Стою до этих пор, и в лица миражей,
Кромсая на куски сердца их туш тюленьих!..

Так пусть кипят шторма, и пусть блуждает взор
Безумный мой среди обрывков океана!
Пусть вылижет волна из трюмов грязь и сор,
И пусть горит в ночах мой алый парус рваный!

ТРЕВОГА

Испачканные лунными пятнами стены.
Обещания, данные кому-то, нарушенные.
Затертые до дыр беговые дорожки мыслей.
Запертые в шкафах шепчущиеся скелеты.

Кровавые сгустки бессмысленных оправданий.
Железнодорожные станции, тупики и платформы.
Мы все прокладываем дороги, туннели
Через километры тучного чернозёма кладбищ.

Маленькие истерики минутных событий
Наполняют эхом тревожного крика
Просторные залы катакомб подсознания.
Мы пытаемся выстроить крепкое здание.

Прочное здание, с надёжным фундаментом.
Оно на глазах превращается в хлипкость
Шалашика, собранного из прутьев и веток.
Мы затыкаем бездны тряпицами.

Мы одиноки, конечны, беспомощны.
Мы ищем укрытия от боли и хаоса.
Укрыться во сне и тревожном безмыслии –
Значит, разобщиться с биением жизни.

Боль, провода, электричества линия
Шепчутся, словно в горячке бутоны
Алых цветов, что плодятся на стенах.
Эта горячка – предтеча безумия.

Кости облеплены мякотью плоти.
Движение энергии, спазмы в каналах.
Переключения программ, сбои в системах.
Никто нам не скажет, зачем мы и кто мы.

Остаётся одно – с содранной кожей
Ползти прямо к небу по треснувшим шпалам.
Шлагбаумы, луны, планеты, вокзалы.
Бессонниц, раздумий и мук планетарий.

О, мы так прекрасны, так неполноценны!..
Всегда между молотом и наковальной.
Задушены, вспороты, связаны туго
Жгутами, бинтами сестер-санитарок.

О, эта поэзия крепких веревок,
Ночной духоты, временных искривлений!..
Гуляки, шуты на дурном карнавале,
Мы шествуем чинно за собственным гробом.

И нас перекрутят и выжмут, как тряпку,
Судьбы безымянной казённые руки.
Случайность узора, нестройные звуки,
Что слышишь в полуденной дреме сквозь окна.

ПОРА ЗАВЯЗЫВАТЬ

Пора завязывать узлы потуже.
Где широко, там стоит делать уже.
Где глубоко, там стоит прятать дальше.
Где долго ждать, там уходить пораньше.

Вопрос не в цели, не в цене, а в смысле –
К чему плодить желания и мысли?
Весь блеск и «голливуд» в одном флаконе
Ломают нота фальши в разговоре.

Пора сворачивать расставленные сети.
Пора заткнуться. И давно заметить,
Что чем изящней звуки, тем капризней,
Что глубина губительна для жизни,

Что красота порой небезопасна,
Что призма конструирует пространство,
И среди вороха бесчисленных сюжетов
Стучаться в те лишь, где покой и лето.

* * *

Глядящая сквозь водопады моих слез,
Окутанная нежности моей дождем июля,
Ты задаешь свой странный о луне вопрос,
А я держу твою ладонь, в душе ликуя.

Ты близко, и теперь могу по теплым волосам
Я провести рукою и щекой к плечу прижаться.
И я прислушиваюсь к древним тем далёким голосам,
Которыми полна ты, глядя, как кружатся

Над нами чудным облаком не страстной желтизны,
Как в сказке Маркеса, но чистой белизною
Трепещущие бабочки, как ангельские сны,
Как то прекрасное, что я в тебе открое

Когда-нибудь, чтобы суметь соткать узор,
В котором с радостью, быть может, ты узнаешь
Волшебный мир, что ты в себе хранишь до этих пор,
И этот теплый свет, которым ты сияешь.

* * *

Зима заберет у меня всех.
Запрет друзей в теплых домах
С уютными женами и планами на полгода вперед
В натопленных комнатах.

А у меня внутри зреет крик.
Давит на плечи,
Рвется наружу из тела
Морозным,
фантастически алым
солнцем Сибири.

Словно вопль голодного раненого зверя
Посреди сошедшей с ума
от своих бескрайних просторов степи.

Потому что мы давно не рыбки и не зайчики.
Потому что мы больше не мальчики и не девочки,

А тугие и крепкие резиновые мячики,
Которыми кидают о стену,
А мы отскакиваем.
Постоянно отскакиваем.

ДЫХАНИЕ. ПУЛЬС

Без всего этого трепета,
Без всех этих соплей
Раскачиваясь в петле ветра,
Тело мое становилось
день ото дня сильней.

Ворованные на исходе ночи яблоки
Принести в сонный дом алой зарею в фартуке.
Отцепить от бархатной ткани ночи значок-звезду.
Вырасти между бездн,
важным и основным среди прочего.

Я похоронил себя
в саду, позади шумной деревьев свиты,
И все мои разногласия умолкли,
их рты землею забиты.
Полные баки топлива,
переход на новые скорости,
Пока на моем плече плачет босая молодость.

С красной гвоздикой в руке,
с гнутым гвоздем в кармане.
Я устал каждый раз становиться тем,
кто снова меня обманет.
Но кто-то на ухо шепчет, что земной шар
начал сегодня вращаться быстрее.
Я должен войти в этот пожар.
Я должен суметь.
Я сумею.

ПОСВ. GLDMN

Твоя красота –
Мощный фортепианный аккорд,
Взрывающий тишину
Древнего храма стен.
Твоя красота –
Внезапный удар
Из пустоты
Прямо в центр
Солнечного сплетения.
Твоя красота –
Гул и рокот пепельных ветров
Над вечностью
Руин Помпеи.
Твоя красота –
Как вбежавшая ночью в мой дом
Подружка-психопатка
С опасной бритвой в руке.
Твоя красота –
Упавший из ниоткуда
На гибель острых камней гранат,
Расколовшийся на алые всполохи

Моего обескураженного сердца.
Твоя красота –
Контурсы мачт
Самой прекрасной из каравелл,
Задремавшей на нежно-розовой груди
Рассвета.
Твоя красота –
Вертикали античных колонн,
Что выросли у меня в груди
Вместо ребер.
Твоя красота –
Пышность тронной залы
И небрежный жест
Королевы,
Дарующей жизнь
Павшему перед нею ниц.
Твоя красота –
Седых океанов шум,
Что снится маленькой девочке,
Держащей ракушку у уха.
Твоя красота
Идет гордой поступью
Темнокожей жрицы
По раскаленным пескам Судана.
Твоя красота
Заставляет меня отступить на пять шагов
И уменьшиться почти на полметра.
Я увидел тебя во дворце
Сидящей на троне,
Воплощающей собой
Величие
И царственность.
И растоптанный, и сметенный,
И лихорадочный, и влюбленный
Я сложил для тебя
Эти стихи.

ДЕТКА АНДЕГРАУНД

Детка андеграунд – это я.
Неоновые сны, вывернутые наизнанку.
Ботинки источают запах.
Когда поешь на улице с расфокусированным взглядом,
Удерживай на нем внимание.
Девушки в маршрутке обступают
вплотную.

Не понимаю, как другие игнорируют здесь интимность.
Идущий по проспекту
В компании сомнительных личностей,
Перекусывающий в подземном переходе,
Чересчур старый для всего этого,
Чересчур опытный, чтобы быть вовлеченным
Во внутренний мир какой-нибудь поэтессы,
Слишком непоследовательный,
Чтобы чего-то достичь,
Друг собак и вечности,
Добродушный собеседник алкашей –
Вот и все, вот и все, что ты есть, и ещё эти звёзды,
И листья, и светотени,
И вся это красота,
Чтобы ты мог искренне сообщить
Знакомому, что ты счастлив.
Спасибо, спасибо!
Сегодня для вас играл
Детка андеграунд!

